

Туаньцзы, наигравшись, прилегла у края лежанки. Она возилась с кузнечиком, сплетенным Лин Цэ из травы, и тихонько напевала себе под нос какую-то нескладную детскую песенку.

Су Вань, убрав миски и палочки, присела у деревянного стола. В руках у неё была синяя ткань, которую недавно принес Лин Цэ, и она раздумывала, как бы сшить из неё новую ватную куртку для дочери.

Ткань была первосортной, тонкой хлопчатобумажной материей. В наше время дефицита даже ребенок секретаря коммуны вряд ли мог щеголять в таких обновках.

Су Вань провела пальцами по ткани, чувствуя непривычный покой. Но где-то в глубине души всё же таилась тень тревоги. В последнее время Лин Цэ стал слишком добр — настолько, что ей было страшно верить в происходящее. Она боялась, что всё это лишь сон, а когда она проснется, он снова станет тем самым человеком, который грезит о возвращении в город и цедит сквозь зубы холодные, колкие слова.

Лин Цэ сидел напротив. Он смотрел на ткань в её руках, потом перевел взгляд на играющую дочку и, глубоко вздохнув, нарушил тишину:

— Сяо Вань, я хотел кое-что тебе сказать.

Су Вань замерла с иголкой в руках и подняла на него взгляд. В её глазах читалось едва уловимое беспокойство:

— Ты... говори.

Она невольно сжала ткань в кулаке. Дурное предчувствие кольнуло сердце: неужели он снова заговорит о возвращении в город?

Лин Цэ всё видел. Он понимал, чего она боится.

За тринадцать предыдущих воплощений каждый раз, когда он упоминал город, Су Вань погружалась в отчаяние. Даже если он изменился, тени прошлого не могли исчезнуть в одночасье.

Он смягчил голос и заговорил неторопливо:

— Я уже говорил тебе, что хочу жить с тобой по-человечески, и это не пустые слова. Я всё обдумал: я не поеду в город. Мы пустим корни здесь, в деревне, и вместе построим наш дом.

— Не... не поедешь? — Су Вань, казалось, ослышалась. Её глаза округлились, а ткань выпала из рук на стол, чего она даже не заметила.

Она смотрела на Лин Цэ, губы её дрожали, но она долго не могла вымолвить ни слова.

В её сознании Лин Цэ всегда был городским интеллигентом, который рано или поздно вернется домой. Он закончил старшую школу, в городе у него остались родственники — разве мог такой человек остаться в этой глуши и провести всю жизнь с простой деревенской женщиной?

— Да, не поеду, — Лин Цэ кивнул, его голос звучал твердо. — Связь с родственниками в городе давно оборвалась, делать там нечего. К тому же, здесь есть ты, есть Туаньцзы, есть наш дом. Зачем мне уходить?

Он помолчал, взял со стола ткань, вложил её в руки Су Вань и продолжил:

— Я договорился с секретарем Чжаном. Я по-прежнему буду отвечать за подсчет трудодней в бригаде, так что в месяц мы будем получать чуть больше.

— Еще я думал, что весной, когда накопим немного денег, пристроим к дому небольшую каморку. Сделаем для Туаньцзы кабинет.

— А когда подрастет, отправим её в школу при коммуне. Пусть учится грамоте, как городские дети.

Эти планы Лин Цэ вынашивал давно.

Это не было минутной прихотью. Он действительно хотел наладить жизнь, хотел, чтобы Су Вань больше не жила в постоянном страхе, чтобы Туаньцзы росла здоровой и счастливой, чтобы этот когда-то холодный глиняный дом стал настоящим, уютным очагом.

Руки Су Вань, сжимавшие ткань, мелко подрагивали, а глаза начали краснеть.

Она смотрела в глаза Лин Цэ. В тех глазах, где раньше сквозили лишь раздражение и равнодушие, теперь читались искренность и нежность. Ни тени насмешки.

Она вспомнила, как несколько дней назад Лин Цэ, рискуя собой, ходил в горы за дичью, лишь бы покормить Туаньцзы. Вспомнила, как он сам попросил секретаря Чжана позволить ей помогать с отчетами, чтобы ей не приходилось надрываться на тяжелых полевых работах. Вспомнила крем для лица, который он ей купил, фруктовые леденцы для дочки... Всё это говорило об одном: Лин Цэ действительно изменился.

Но она всё ещё не решалась поверить до конца. Опустив голову, она прошептала срывающимся голосом:

— Не... не обманывай меня. Раньше ты тоже говорил, что мы будем хорошо жить, а потом...

Она не закончила, но Лин Цэ понял, о чем она.

В прошлых жизнях он действительно обманывал её, прикрываясь красивыми словами, пока сам готовился к побегу.

Чувство вины накрыло его. Он накрыл ладонью руку Су Вань — её пальцы были холодными и всё еще дрожали.

— Сяо Вань, прости меня, — голос Лин Цэ был тихим, но полным раскаяния. — Раньше я был дураком, подонком, заставил тебя столько выстрадать.

— Знаю, одно лишь прости ничего не исправит. Но я докажу всей своей жизнью, что больше не обману тебя и не дам в обиду.

Его рука была теплой, она согревала ладонь Су Вань, и тревога в её сердце начала понемногу отступать.

Она подняла голову, глядя на него, и слезы, которые она больше не могла сдерживать, покатались по щекам, оставляя мокрые пятна на ткани.

Туаньцзы, услышав плач матери, отложила игрушку, подползла к Су Вань и, потянувшись маленькими ручками, вытерла ей слезы.

— Мама, не плачь, — пролепетала она. — Папа сказал, что построит мне кабинет и отправит учиться. Я не хочу, чтобы папа уходил.

Слова ребенка упали в сердце Су Вань, словно камешки в воду, вызвав круги на душе.

Она посмотрела на дочку, потом на Лин Цэ. Весы в её душе начали склоняться в другую сторону. Может, она может поверить ему хоть раз? Может, у них действительно может быть другое будущее?

Она не ответила сразу, лишь молча вытерла слезы рукавом.

В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь тихим треском керосиновой лампы да мерным дыханием Туаньцзы. Лин Цэ не торопил её, он терпеливо ждал.

[Обнаружено колебание эмоционального фона Су Вань: уровень счастья вырос с 72 до 85 баллов, уровень доверия — с 30 до 60!] — голос Системы 7576 прозвучал в голове с ноткой

изумления. [Отклонение от линии мира всё еще выше 90%, но показатели позитивного развития продолжают расти. Главная система не выдала предупреждение, напротив, пометила ситуацию как подлежащую наблюдению!]

Лин Цэ облегченно выдохнул.

Он знал: молчание Су Вань — это не отказ, это постепенное принятие. И этого достаточно. Ему не нужно, чтобы она кивала немедленно, достаточно того, что она готова дать им шанс.

Спустя долгое время Су Вань тихо произнесла, всё еще хриплым голосом:

— На строительство дома... нужно много денег. Давай делать всё постепенно, не будем спешить.

Эта простая фраза стала светом, озарившим сердце Лин Цэ.

Он понял: это первый раз, когда Су Вань не отвергла его идею, первый раз, когда она готова планировать будущее вместе с ним.

Это значило, что она начала ему верить, начала считать его своей настоящей семьей.

Уголки губ Лин Цэ невольно поползли вверх, он крепче сжал руку жены:

— Хорошо, будем делать всё постепенно. Не будем спешить.

Туаньцзы, видя их состояние, тоже расплылась в улыбке и подняла своего кузнечика:

— Папа, мама, смотрите! Кузнечик! Раз папа больше не уйдет, он сможет каждый день плести мне таких кузнечиков!

Су Вань посмотрела на сияющее лицо дочки, на улыбку Лин Цэ, и последняя капля тревоги исчезла.

Она едва заметно кивнула, и на её губах проступила слабая улыбка. Впервые с тех пор, как она вышла замуж за Лин Цэ, эта улыбка была искренней — без страха, без опасений, лишь с чувством надежности и светлым ожиданием.

Лин Цэ смотрел на них, и сердце его переполняло чувство, которого он никогда прежде не знал.

Он понимал — это только начало.

Впереди еще могут быть козни Линь Вэй, подозрения со стороны коммуны, проверки Главной системы, но он больше не боялся.

Потому что он больше не один. У него есть Су Вань, есть Туаньцзы, есть их дом.

Пока они вместе, нет такой преграды, которую они не смогли бы преодолеть.

За окном всё еще выл ветер, но в комнате становилось всё теплее.

<http://bllate.org/book/18630/1793901>